

И. Э. Звечаровский

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Уголовно-правовая политика России на современном этапе

Резюме. В период 2022–2025 гг. развитие уголовного законодательства подвержено влиянию геополитической обстановки в Российской Федерации. Это привело к возникновению новых составов уголовно наказуемых деяний (например, ст. 78.1, 80.2 УК РФ) и изменению базовых положений уголовного закона (таких как ст. 48, 35 УК РФ). При этом сохраняется высокий уровень фактически не работающих норм. Так, в 2024 г. не применялась примерно пятая часть статей Особенной части УК РФ. Это может свидетельствовать не о превентивном эффекте уголовного закона, а о неэффективности и (или) необоснованности установленных правил. В правоприменительной практике обнаруживается тенденция ко всё большей автономности судебной власти, не всегда следующей букве закона. Обоснована необходимость реформирования отдельных институтов Общей части УК РФ, в частности унификации оснований уголовной ответственности (с учетом примеров УК Беларуси), уточнения форм вины, детализации положений, касающихся совершения преступлений группой лиц с вовлечением тех субъектов, которые не подлежат привлечению к уголовной ответственности. В ходе исследования обращено внимание, что расширение оснований освобождения от ответственности не привело к снижению рецидива среди осужденных за преступления небольшой и средней тяжести. При этом обнаруживается большое количество неприменяемых мер наказаний, что в целом ставит под сомнение эффективность такой системы. Подчеркнута важность информированности населения о возможности освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовный закон; уголовная политика; превенция; система наказаний; преступление; основания освобождения от ответственности; наказание; рецидив; форма вины; субъект преступления

Для цитирования: Звечаровский И. Э. Уголовно-правовая политика России на современном этапе. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 3. С. 9–16. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.009-016

Criminal Law Policy of Russia at the Present Stage

Igor E. Zvecharovskiy

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the period 2022–2025 the development of criminal legislation was influenced by the geopolitical situation in the Russian Federation. This has led to the emergence of new compositions of criminal offences (for example, Articles 78.1 and 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) and to amendments in fundamental provisions of criminal law (for example, Articles 48 and 35 of the Criminal Code of the Russian Federation). At the same time, a significant proportion of statutory provisions remains effectively non-operational. Thus, in 2024 one-fifth of the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation were not applied. This may indicate, not a preventive effect of criminal law, but rather the ineffectiveness and/or unreasonableness of the established norms. Law-enforcement practice shows a tendency toward increasing judicial autonomy,

which does not always adhere strictly to the letter of the law. Therefore, reforming certain institutions in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation is justified: in particular, there is a need to unify the grounds for criminal liability (with reference to examples in the Criminal Code of Belarus), to clarify the forms of guilt, and to specify provisions concerning the commission of crimes by multiple persons that involve subjects (perpetrators) who are not criminally liable. The study further notes that the expansion of grounds for exemption from liability has not led to a decrease in recidivism among persons convicted of offences of minor and medium severity. This reveals a substantial number of inapplicable penalties and thus casts doubt on the effectiveness of the system. The study emphasizes the importance of public awareness about the possibility of exemption from criminal liability.

Keywords: criminal law; criminal policy; prevention; punishment system; crime; grounds for exemption from liability; punishment; relapse; form of guilt; perpetrator

Cite as: Zvecharovskiy I.E. Criminal Law Policy of Russia at the Present Stage. *Lex russica*. 2026;79(3):9-16. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.009-016

Уголовно-правовая политика представляет собой направление деятельности органов государственной власти в области борьбы с преступностью, основанное на разработке, принятии и реализации уголовного законодательства. Традиционно считается, что уголовно-правовая политика реализуется в трех основных формах: правотворчестве, правоприменении и правовом воспитании.

В плане общей характеристики уголовно-правовой политики в форме **правотворчества** приведу следующие данные. За весь период действия УК РФ 1996 г. утратили силу 12 статей Особенной части, дополнен же Кодекс в этой части 161 статьей. Количество уголовно-правовых запретов в форме статей увеличилось почти на 60 %. Примечательно, что наиболее активно в этом вопросе законодатель вел себя применительно к разд. VIII «Преступления в сфере экономики».

Воздержусь от упреков законодателя в чрезмерном увлечении *криминализацией* и отмечу, что в механизме уголовно-правового регулирования этот процесс *всегда по определению доминирует над декриминализацией*. Вместе с тем укажу и на другое: *наблюдается неуклонный рост количества законодательных новелл, которые вообще не применяются на практике*. По итогам 2024 г. ни одного осужденного не было почти по 60 статьям Особенной части УК РФ, а это примерно пятая часть всех статей данной части Кодекса. В связи с этим особо подчеркну: *в российском правоприменении неработающие статьи Особенной части УК более подтверждают необоснованность дополнения ими уголовного закона, чем их предупредительный, сдерживающий эффект*.

Сегодня, в начале 2026 г., мы, конечно же, не можем не учитывать условия, в которых уголовно-правовая политика реализовывалась прежде всего в ближайшие годы, предшествующие этой дате.

В период 2022–2025 гг. вполне объяснимо внимание российского законодателя было сосредоточено на должном и оперативном обеспечении правового регулирования вопросов, связанных с проведением специальной военной операции (СВО). Данное обстоятельство определяло и формы, и характер изменений и дополнений в большинстве отраслей отечественного законодательства, включая уголовное.

Наверное, в первый раз мы заметили влияние названного обстоятельства на развитие уголовного законодательства тогда, когда Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ¹ была исключена часть 3 ст. 331 УК РФ, согласно которой «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени». Данное решение по-разному было воспринято специалистами. На мой взгляд, оно было вполне ожидаемым и верным по сути, т.к. нельзя создать то, чего не знаешь, — *законодательство военного времени, не оказавшись в этом времени*.

Сегодня, если оглянуться назад, есть основания полагать, что *с проведением СВО и в ее период мы получаем не только боевой, политический, социально-экономический, но и правовой опыт*. Принятие и реализация Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной воен-

¹ СЗ РФ. 2022. № 39. Ст. 6535.

ной операции»² — очередное тому подтверждение. Данный Закон не был инкорпорирован в уголовное законодательство РФ, как того требует часть 1 ст. 1 УК РФ, а потому до марта 2024 г., а точнее до принятия Федерального закона от 23.03.2024 № 61-ФЗ³, действовал как бы сам по себе, вне системы уголовного законодательства России. Федеральным законом также от 23.03.2024 только за номером 64-ФЗ⁴ соответствующие положения утратившего силу Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ были помещены в УК РФ. Отмечу, что данным Федеральным законом был дополнен и УПК РФ в отношении реализации новых статей 78.1, 80.2 и части 3.1 ст. 86 УК РФ, чего ранее не было сделано.

В плане краткой и самой общей характеристики этих законодательных новелл необходимо обратить внимание на два момента.

Во-первых, при освобождении от уголовной ответственности по ст. 78.1 УК РФ или от отбывания наказания по ст. 80.2 УК РФ *условными являются не названные акты, а приостановление в первом случае производства по уголовному делу, а во втором — исполнения наказания по ходатайству командования воинской части (учреждения). И это, кажется, совершенно иная условность в сравнении с той, о которой мы обычно говорим применительно к ст. 76.2, 79, 90 УК РФ.*

Во-вторых, с принятием Федерального закона от 23.03.2024 № 64 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в отечественном уголовном законодательстве наряду с традиционным понятием досрочного снятия судимости появилось, на первый взгляд, неожиданное, но с правовой точки зрения вполне допустимое в отношении определенных категорий осужденных *понятие досрочного погашения судимости* (ч. 3.1 ст. 86 УК РФ).

И еще об одной группе наиболее значимых дополнений и изменений уголовного законодательства, так или иначе обусловленных проведением СВО. Речь идет о серьезной корректировке гл. 29 Особенной части УК РФ

«Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» (прежде всего о дополнении ее ст. 275.1, 276.1, 280.3, 280.4, 281.3, 282.4, 284.2, 284.3). Следует отметить, что в правоприменении эти законодательные новеллы стали вполне востребованными, о чем свидетельствует официальная статистика. Исключение составляет статья 281.3 «Организация диверсионного сообщества и участие в нем», которой УК РФ был дополнен Федеральным законом от 29.12.2022 № 586-ФЗ⁵. За 2023–2024 гг. по этой статье был осужден всего один человек.

Среди изменений и дополнений уголовного законодательства, обусловленных проведением СВО, были и другие, возможно не столь заметные, но тем не менее значимые. Некоторые из них затрагивали *фундаментальные* положения отечественного уголовного законодательства. Наглядным примером здесь может служить Федеральный закон от 14.02.2024 № 11-ФЗ⁶, согласно которому существовавшая до этого в ст. 48 УК РФ дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категории преступления была дополнена перечнем конкретных видов преступлений. Федеральный закон от 17.11.2025 № 420-ФЗ⁷ интересен тем, что в нем содержатся изменения, касающиеся, в частности, возраста уголовной ответственности (ч. 2 ст. 20 УК РФ), ответственности соучастников (ч. 5 ст. 35 УК РФ).

И, пожалуй, еще об одном аспекте формирования уголовного законодательства в рассматриваемый период — поощрительных нормах в уголовном праве. Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ УК РФ был дополнен статьей 352.1 с примечанием, согласно которому «военнослужащий, впервые совершивший преступление, предусмотренное настоящей статьей, может быть освобожден от уголовной ответственности, если он принял меры для своего освобождения, возвратился в часть или к месту службы и не совершил во время пребывания в плену других преступлений». Оставляя без внимания социально-правовую характеристику данной нормы, отмечу, что таким образом количество статей Особенной части

² СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4678.

³ СЗ РФ. 2024. № 13. Ст. 1684.

⁴ СЗ РФ. 2024. № 13. Ст. 1687.

⁵ СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 33.

⁶ СЗ РФ. 2024. № 8. Ст. 1038.

⁷ СЗ РФ. 2025. № 47. Ст. 7048.

УК РФ, сопровождаемых подобного рода примечаниями, достигло 59 с распространением их действия на 66 статей (примечание к ст. 122 имеет иное значение).

В рассматриваемый период в УК РФ естественно вносились изменения и дополнения, не связанные с проведением СВО. Среди них, наверное, следует обратить внимание на корректировки гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», и в частности на статью 172.4 «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц» (введена Федеральным законом от 10.07.2023 № 323-ФЗ⁸). Сколько было шума в СМИ по поводу такого рода деятельности, однако, как оказалось, из ничего. Ни одного осужденного за весь период действия (2024–2025 гг.) этой статьи. В связи с этим по итогам 2025 г. будет интересно посмотреть, как под флагом борьбы с так называемыми дропперами сработают дополнения ст. 187 УК РФ частями 3–6⁹.

Серьезные дополнения получила глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ. Несколькими федеральными законами (от 14.07.2022 № 260-ФЗ, от 30.11.2024 № 421-ФЗ, от 31.07.2025 № 282-ФЗ)¹⁰ она дополнена пятью статьями (ст. 272.1, 274.2, 274.3, 274.4, 274.5). Учитывая небольшой период действия большинства из этих новелл, говорить о судебной практике их применения не приходится, однако по первым двум статьям (ст. 272.1, 274.2), действующим соответственно с 2022 и 2024 г., на сегодняшний день осужден всего один человек. И это при высоком удельном весе преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (около 40 %), и ежегодном неуклонном росте этого показателя (10–15 %).

Рассуждая далее о правотворчестве в сфере уголовного законодательства, обращаю внимание на вопрос о том, что *не сделано* в этой сфере.

В апреле 2025 г. кафедрой уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с Верховным Судом РФ, а также журналом «Уголовное право» была проведена научно-практическая конференция «Единообразии судебной практики в уголовном праве». Один

из итогов этого собрания заслуживает особого внимания: было отмечено безоговорочное признание точки зрения, что судебная власть в правоприменении не только продолжает укреплять самостоятельность, но и, по сути, сохраняет автономность по отношению к некоторым принципиальным положениям УК РФ.

Сегодня обнаруживается ситуация, при которой необходимо подчинять либо судебное правоприменение закону, либо наоборот. Важно подчеркнуть, что никто не посягает на святое: *уголовно-правовые запреты, наказания и иные меры уголовно-правового характера должны быть предусмотрены только УК РФ. Но, во-первых, уже давно, если даже так было не всегда, уголовное законодательство состоит не только из Кодекса, как это предусмотрено в нем (ч. 1 ст. 1), а во-вторых, при установлении преступности содеянного и его квалификации практически повсеместно учитывается разъяснительная практика Верховного Суда РФ. Так, может быть, названные обстоятельства настало время отразить в уголовном законе и не переживать при этом за нерушимый по-прежнему авторитет принципа законности?*

Далее, как известно, по уголовному законодательству России, за некоторыми исключениями, уголовно наказуемым является не только оконченное, но и неоконченное преступление. В последние годы ежегодно около 5–7 % преступлений от общего количества зарегистрированных выявляются на стадиях приготовления или покушения. Причем при ежегодном снижении количества выявленных преступлений (по сравнению с 2020 г. в 2024 г. такое снижение составило 132,9 тыс. преступлений) показатель неоконченных преступлений имеет неуклонную тенденцию к росту. Так, если в 2020 г. органами внутренних дел было выявлено около 88 тыс. таких преступлений, то в 2024 г. уже 118 тыс.

Остается открытым вопрос, на каком основании лица, совершившие неоконченное преступление, привлекаются к уголовной ответственности, если согласно ст. 8 УК РФ основанием такой ответственности выступает наличие в содеянном *всех признаков состава преступления*. В данном случае речь идет о составах соответственно оконченного и неоконченного

⁸ СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5341.

⁹ Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3506.

¹⁰ СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5227.

преступлений. В любом учебнике по уголовному праву говорится о другом: обязательным признаком преступления с материальным составом выступают последствия, с формальным — общественно опасное деяние. Некоторые из ближайших соседей Российской Федерации, однажды позаимствовав редакцию ст. 8 УК РФ, уже давно навели в этом вопросе порядок (ст. 10 УК Республики Беларусь, ст. 14 УК Республики Армения). Возможно, аналогичные действия необходимо предпринять на уровне российского законодательства. При этом нужно сразу решить вопрос и об основании уголовной ответственности при соучастии, как это сделано в ст. 10 УК Республики Беларусь.

Отвечая на вопрос, что необходимо сделать в уголовном законодательстве с точки зрения единообразного, а значит и стабильного, его применения, обратим внимание еще на две проблемы, решение которых лежит на поверхности.

Во-первых, следует наконец навести порядок в УК РФ с разграничением умышленных и неосторожных преступлений, для чего в ч. 2 ст. 24 предусмотреть правило примерно такого содержания: *Преступление признается совершенным по неосторожности, если указание на эту форму вины содержится в статьях Особой части настоящего Кодекса*. В развитие этого правила нужно внести соответствующие изменения в Особую часть.

Во-вторых, необходимо полноценно регламентировать в УК РФ проблему множественности лиц: 1) усовершенствовать ст. 32 и 2) дополнить Кодекс положениями о совершении преступлений с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности. В первом случае следует добавить в редакцию ст. 32 УК РФ указание *на двух или более лиц, способных подлежать уголовной ответственности*, во втором — все квалифицированные составы преступлений в Особой части дополнить промежуточным между основным и квалифицированным составами признаком совершения преступления *с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности*.

Что касается такой формы реализации уголовно-правовой политики, как **правоприменение**, то прежде всего следует обратить внимание на позицию Верховного Суда РФ в этом процессе. Изначально особая роль Суда от всех

других субъектов правоприменения отличалась следующим.

С одной стороны, Пленум Верховного Суда РФ был не столь активен в разъяснении уголовного законодательства, как, например, в 2008, 2013 и 2018 гг., когда было принято шесть постановлений, непосредственно касающихся вопросов применения уголовного законодательства. В 2020 г. из 47 постановлений таких было четыре. Однако уже в 2021 г. Пленум Верховного Суда РФ лишь однажды дал судам разъяснения в форме постановления по вопросам судебной практики в области применения уголовного законодательства (от 28.10.2021 № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»¹¹). С другой стороны, в период 2022–2025 гг. Пленум Верховного Суда РФ, как никогда ранее, был активен в принятии так называемых тематических постановлений, которые, как известно, наиболее значимы для стабильного правоприменения.

Из 10 постановлений Пленума Верховного Суда РФ, принятых в этот период, такой характер носили семь. Среди них впервые принятыми во время действия УК РФ 1996 г. были следующие постановления: от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”»; от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)»; от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях»; от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания». Впервые в отечественной судебной практике было принято давно ожидаемое всеми субъектами правоприменения постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2025 № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона»¹². В рассматриваемый период Верховный Суд РФ реализовывал свои

¹¹ БВС РФ. 2021. № 12.

¹² БВС РФ. 2025. № 8.

полномочия как субъект законодательной инициативы по изменению и дополнению уголовного законодательства¹³.

Отдельное внимание следует уделить вопросам правоприменения, субъектами которого выступают и судебные, и правоохранительные органы. Первоначально раскроем указанный аспект на досудебных и судебной стадиях уголовного преследования, не связанного с постановлением обвинительного приговора.

С момента вступления в силу УК РФ 1996 г. в стране кардинально изменилась структура ведения официальной статистики преступности. Изменение содержания категорий преступлений небольшой и средней тяжести, наиболее заметное по итогам корректировок уголовного законодательства в 2003, 2011 и 2019 гг., обусловило рост удельного веса таких преступлений в структуре преступности с 43 до 68 %. В период 2012–2018 гг. этот показатель достигал значения в 75 %.

Предполагается, что закономерной с учетом изложенного является попытка Верховного Суда РФ дополнить УК РФ понятием уголовного проступка. Реакцией законодателя на это стало значительное расширение перечня оснований освобождения от уголовной ответственности по этим категориям преступлений на случай совершения их впервые. Если в последний год действия УК РСФСР 1960 г. в нем содержались 4 вида освобождения от уголовной ответственности по нормам Общей части (ст. 10, 50) и 6 по положениям Особенной части (примечания к ст. 64, 77.2, 174, 213.3, 218, 224), то в УК РФ 1996 г. уже на момент вступления в силу были предусмотрены 6 видов в Общей части (ст. 75–78) и 13 в Особенной (примечания к ст. 126, 204, 205, 206, 208, 222, 223, 228, 275, 291, 307, 337, 338). На сегодняшний день Общая часть дополнена тремя видами освобождения от уголовной ответственности.

Как это ни парадоксально, но активность законодателя в рассматриваемом направлении не привела ни к количественным, ни к качественным изменениям в части уголовно-правового реагирования на преступность небольшой и средней тяжести. Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельству-

ют о том, что количество дел, прекращенных по нереабилитирующим основаниям, не только не растет, но и в последние пять лет неуклонно падает (принимаются во внимание только те из них, которые связаны с освобождением от уголовной ответственности). В 2015 г. этот показатель составлял 176 858 дел, в 2020 г. — 175 562, в 2024 г. — 111 314 (снижение более чем на 60 тыс.), по итогам первого полугодия 2025 г. — всего 45 920 уголовных дел¹⁴.

По-прежнему не применяется статья 76.1 УК РФ, несмотря на переименование и изменение размера санкции. Однако наибольший дестабилизирующий эффект в рассматриваемом направлении дала статья 76.2 УК РФ, которая первоначально применялась в отношении тех, кого ранее привлекали по ст. 76. Если в 2015 г., т.е. до принятия ст. 76.2 Кодекса, допустимо было помирить лицо, совершившее преступление, с потерпевшим по 160 тыс. уголовных дел по ст. 76 УК РФ, то уже в 2017 г. этот показатель составил 135 956 дел (около 20 тыс. ушло на судебный штраф). По итогам 2019 г. он уже равнялся 106 090 делам с примирением с потерпевшим (около 52 тыс. — с судебным штрафом). С 2021 г. начинается падение показателей применения не только ст. 76, но и ст. 76.2 УК РФ. По итогам 2024 г. по этим основаниям прекращено всего 81 571 и 13 060 уголовных дел, результаты 2025 г. будут еще ниже.

Существующие меры уголовно-правового характера не приводят к положительным качественным изменениям уровня преступности небольшой и средней тяжести. Так, по итогам 2024 г. от общего числа лиц, совершение которыми преступлений названных категорий было выявлено, было осуждено около 26 %. Однако 42 % из них имели непогашенные или неснятые судимости, причем около половины — по две, три и более.

Возникает резонный вопрос о допустимых способах изменения сложившейся ситуации. Для этого необходимо совершить ряд важных действий.

Во-первых, необходимо унифицировать основания освобождения от уголовной ответственности. Как показывает практика Научно-

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2024 № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в статью 82 Уголовного кодекса Российской Федерации”» (документ опубликован не был).

¹⁴ Здесь и далее приводятся данные судебной статистики из основных и сводных статистических сведений о состоянии судимости в России за соответствующий период, подготовленных Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. См.: URL: <https://cdep.ru>.

консультативного совета при Минюсте России, стремление решить этот вопрос присутствует постоянно (в частности, он рассматривался в связи с возмещением ущерба от преступления, примирением с потерпевшим).

Во-вторых, в УПК РФ, а не в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ следует закрепить, что лицо, совершившее преступление, имеет право избирать из предусмотренных законом выгодный для него вариант прекращения уголовного дела или уголовного преследования при наличии к тому оснований и соответствующих условий.

В-третьих, уже давно настало время посмотреть более внимательно на показатели успешности работы органов досудебного уголовного судопроизводства, и в частности на количество уголовных дел, направленных в суд.

В качестве завершающего раздела необходимо высказать ряд ключевых идей о применении мер уголовно-правового характера, связанных с постановлением обвинительного приговора.

Из видов уголовного наказания, предусмотренных статьей 44 УК РФ, не применяются два: арест и смертная казнь. Предполагается, что настало время исключить арест из УК РФ ввиду нецелесообразности его закрепления. Его применение не связано с отсутствием условий для исполнения. Наличие на протяжении почти 30 лет неработающего вида уголовного наказания в перечне других видов в ст. 44 УК РФ, который называется «система наказаний», неминуемо заставляет усомниться в обоснованности такой системы.

Относительно смертной казни следует отметить, что не имеет значения, что именно положено в основу неприменения данного вида уголовного наказания: гуманизм, экономия уголовной репрессии и пр., однако важно обосновать такое неприменение с правовой точки зрения. Смертная казнь — это вид уголовного наказания, предусмотренный в уголовном законодательстве. Последнее относится к числу федеральных законов, а те, в свою очередь, — к ведению Государственной Думы ФС РФ. Следовательно, вопрос о неприменении данного вида наказания, равно как и о его отмене, относится к компетенции Государственной Думы, которая с момента принятия УК РФ 1996 г. по этому поводу не меняла позиции. Аналогичным образом не ставился вопрос и о конституционности данного вида уголовного наказания.

В плане общей характеристики структуры мер уголовно-правового характера, применяемых при постановлении обвинительного приговора суда, необходимо отметить одно интересное обстоятельство: в 2024 г. в отношении почти 77 % выявленных лиц, совершивших преступления, состоялось осуждение постановлением обвинительного приговора, вступившим в законную силу. Это самый высокий показатель неотвратимости уголовной ответственности с 2003 г.

С 2020 по 2024 г. на 3 % вырос удельный вес женщин в общем количестве осужденных; на 6 % снизился показатель условного осуждения к лишению свободы, на 4–5 % вырос штраф. Наконец-то заработала предусмотренная в УК РФ в 2011 г. и вступившая в силу в 2017 г. альтернатива лишению свободы в виде принудительных работ (ст. 53.1 УК РФ). В 2024 г. этот вид наказания был назначен 21 389 осужденным, в то время как в 2020 г. — всего 992. Однако в 2024 г. в отношении почти 11 тыс. осужденных к принудительным работам (т.е. более чем половины от общего числа осужденных к этой мере) было *удовлетворено* представление начальников исправительных центров о замене принудительных работ реальным лишением свободы. Всего таких представлений было около 17 тыс.

Если учесть, что вопрос о замене наказаний, не связанных с лишением свободы, актуален в отношении практически любого вида такого наказания (в меньшей степени это касается штрафа), то следует признать, что действительной альтернативы реальному лишению свободы в УК РФ нет. Вопрос о том, нужна ли такая альтернатива с учетом качественной характеристики тех, кто осуждается к такой мере, выходит за рамки настоящей позиции и нуждается в дополнительной дискуссии.

В последние годы обнаруживается острая проблема с исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении неграждан РФ. Неслучайно в связи с этим в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 40 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания”» даны разъяснения, касающиеся назначения двух видов таких наказаний: исправительных и принудительных работ¹⁵. Практика покажет их действенность, однако уже на дан-

¹⁵ Российская газета. 16.01.2026. № 7.

ном этапе очевидно, что без законодательных корректировок не обойтись.

В завершение необходимо отметить еще один крайне важный аспект реализации уголовно-правовой политики. В последние годы стало неактуальным рассуждать о такой ее форме, как **правовое воспитание**. Значимость указанной темы не предполагает более длительного ее раскрытия. В то же время важно высказать несколько ключевых идей в отношении того, что, по моему убеждению, называется *информационным аспектом действия уголовного закона*. В последние 10 лет ежегодно в структуре выявляемых в России преступлений около 70 % относятся к преступлениям небольшой и средней тяжести. По итогам 2024 г. этот показатель составил 68 %, за восемь месяцев 2025 г. — 65 % при снижении общего количества зарегистрированных преступлений на 4,5 %. Среди лиц, совершивших преступления

небольшой и средней тяжести, около 40 % совершили преступление впервые, т.е. они могли бы претендовать на освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 75–76.2 УК РФ. Однако остается открытым вопрос, проинформированы ли и осведомлены ли такие лица о предусмотренной законом возможности быть освобожденными от уголовного наказания. Аналогичный вопрос уместен и в отношении особенностей применения ст. 31 УК РФ.

Подводя итог изложенному, можно заключить, что российский законодатель в целом адекватно и своевременно реагирует на состояние криминогенной обстановки в обществе. Вместе с тем очевидно, что в решении некоторых проблем, главным образом социально-экономического характера, доминирующими должны быть механизмы, отличные от уголовно-правового регулирования и охраны.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Звечаровский Игорь Эдуардович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
iezvecharovkij@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor E. Zvecharovskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
iezvecharovkij@msal.ru

Материал поступил в редакцию 3 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 14 февраля 2026 г.

Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 03.03.2025.

Revised 14.02.2026.

Accepted 15.02.2026.